

Башмаки у двери спальни

Автор:

Юлия Ляпина

Башмаки у двери спальни

Юлия Ляпина

Девушка отправилась с друзьями в поход, уснула в палатке, а проснулась в новом теле. Рядом с нею четверо мужчин, и каждый считает себя ее мужем. Душа в другом теле, в другом мире, а где-то родные отчаянно пытаются спасти тело...

Юлия Ляпина

Башмаки у двери спальни

«Четыре мужа!» Какой идиот сказал это вслух? Сейчас тут будет гора-а-аздо меньше идиотов!

Пролог

Сквозь мглу глубокой ночи пробилась теплая огненная искорка. Она разгоралась, манила, звала издалека и, наконец, разрослась в нежный бутон ярко-желтого света. Медный масляный светильник на простом деревянном столе, формой похожий на песочные часы, создавал атмосферу тепла и уюта в холодную темную ночь. Он отбрасывал пугающие тени, расползающиеся по углам, его нежный огонек мерцал легким обещанием завтрашнего дня.

Лепестки огня плясали, испуская легкую копоть, словно на ветру. Причудливый и непередаваемый танец теней завораживал воображение.

Где это? Комната? Палатка? Дом, подобный хижине в лесу? Неясно. За стенами, тонущими в тенях, слышны завывания ветра, а здесь тепло и глухо, как в норе.

Светильник мигнул в очередной раз, и тени переместились, открывая подробности: занавеси на окнах, причудливую резьбу сундука, брошенное на пол пятно яркой одежды. Неожиданно в ответ на мигание огонька в воздухе поплыл тяжелый синий дымок: в бронзовой курильнице на разлапистых ножках багровели угли. Они выбрасывали язычки синеватого пламени, охватывая жаром кусочки прозрачной ароматной смолы.

Резкий вой ветра пробился сквозь потайную щель. Всколыхнул ленточную занавеску, унизанную бубенчиками, заставляя медные шарики негромко звякнуть. В ответ раздался шорох с широкого ложа, укрытого шкурами и пестрыми одеялами, прозвучал низкий стон.

Стон сменился шепотом, тихим, но вполне различимым:

– Полдень моего сердца, рассвет моей души... – Слова перемежались негромкими звуками поцелуев и тихим позвякиванием.

Вот огонек высветил руку, плавно скользящую по шероховатой ткани. Длинные пальцы запутались в складках у воротника, пробираясь к нежной коже. Скрип дерева ворвался в уши, отвлекая и раздражая. Хотелось слушать легкие вздохи и учащенное дыхание тех двоих, что сплетались в объятиях, сидя среди варварской роскоши мехов.

Неожиданно скрип прекратился, фитиль выровнялся, и яркое пламя осветило обнаженную спину мужчины, сидящего на ложе. Сложная вязь рельефной татуировки ползла по светлой коже. Изящная женская рука бережно прослеживала выпуклые линии, явно нанесенные не иглой и краской, а чем-то острым, оставляющим ровные тонкие шрамы.

Мужчина вздрогнул и отстранился, распахивая цветастые полы женской одежды, подставляя теням и редким вспышкам огня нежную девичью грудь. Следом за его рукой так же трепетно и благоговейно скользнули губы – нежно

касаясь и лаская настойчиво светящуюся в неверном свете кожу.

Легкие вздохи, объятия, взаимные ласки, исполненные заботливого внимания и неги – все это заставляло сердце биться чаще, сбивало дыхание в причудливый рваный ритм.

Особенно сильно смущали женские стоны – ну разве может молоденькая девушка обозначать свое желание так откровенно? Так... жарко? Когда мужчина притягивает девушку на колени, помогая расположиться на своих бедрах, она прогибается, откидывая за спину длинные темные косы. Тени на миг отступают, но не хватает смелости разглядеть ее лицо, исполненное предвкушения, удовольствия, смущения и восторга...

Даже стыдливо прикрытые глаза не могут скрыть того чувственного огня, которым пылает ее лицо. Женские пальцы порхают с широких мужских плеч в светлые пряди волос на затылке. Ерошат, перебирают и, после особенно громкого мужского стона, вцепляются отчаянно, не в силах отпустить в миг наслаждения.

С хриплым звуком мужчина притягивает голову девушки и жадно целует, звенят украшения, негромко скрипит кровать. Пара замирает на минуту, слившись в единое целое и, размыкая объятия, опускается на ложе, чтобы снова сплестись телами.

Лишь неровное дыхание слышится в полумраке, да умирающий огонек светильника временами выхватывает переплетенные руки и ноги.

Минута, другая – и горящий фитиль гаснет, скрывая комнату.

Постепенно кипение крови утихает, конечности расслабляются, приходит обычный сон, дарующий отдых и спокойствие.

Глава 1

Где-то в городе Н.

Мама назвала меня Лесей в честь своей польской подруги. Когда-то они познакомились на большом симпозиуме археологов, съездили в пару коротких летних экспедиций и с той поры дружили «домами».

Эта самая подруга, пани Леслава, стала моей крестной и периодически наезжала к нам в гости с вкуснейшим польским сыром, пестрыми шерстяными шарфами и оригинальными сувенирами собственного изготовления.

Наш город встречал крестную непременно дождем или снегом. Она весело смеялась, кутала шею шарфом и восхищенно заявляла, оглядывая серые дома в унылой хмари:

- Такой салют в мою честь!

Я крестную обожала! Яркая платиновая блондинка с блестящими карими глазами, ультракороткой стрижкой и стильным мундштуком в зубах, лёля[1 - Местное название крестной матери. Другие варианты «божатка», «кресенька».] очаровывала всех мужчин в радиусе километра!

От нее не мог оторвать глаз ни мой сверхсерьезный братец, ни красавчик-преподаватель социологии в универе, ни мои друзья из студенческой компании, которая сложилась на факультете к третьему курсу.

Семья пани Леславы владела несколькими антикварными магазинчиками, что позволяло ей колесить по всему свету в поисках раритетов, беседовать с учеными и нуворишами, дружить с профессорами и музейными работниками.

А уж ее чемодану позавидовал бы любой археолог – кисти, фототехника, блокноты и супермодные записывающие устройства! Все для того, чтобы молниеносно оценить то, что попало в поле зрения пани.

Только папа был почему-то каждый раз недоволен приездом крестной, хотя тщательно это скрывал. Нервно поглаживая короткий «ежик» на затылке, он бегал по комнатам и возмущался:

- Катя, ну я же просил не приглашать больше Леславу!

– Андрей, – улыбалась мама, – Леслава в приглашениях не нуждается! И потом, она крестная Леси!

Папа еще некоторое время возмущенно бурчал, но мама заманивала его на кухню пить чай с пирогами, и он сдавался:

– Ладно, пусть приезжает! Может, у меня командировка случится!

– Андрей! – в мягком голосе мамы проскакивала укоризна. – Неужели ты нас оставишь одних?

Папа откусывал огромный кусок рыбного пирога, запивал глотком чая из поллитровой кружки и бесславно капитулировал:

– Буду дома.

Мама нежно целовала папу в лысеющую макушку и перезванивала лёле:

– Леслава, приезжай непременно, мы тебя ждем!

Основная радость общения с крестной доставалось мне, так как именно во время приездов пани Леславы папа подаривал маму билетами в театр, приглашениями в кино и на концерты – исключительно на двоих.

Леля громко смеялась на робкие мамины извинения и заявляла:

– Киса... – (Маму зовут Екатерина). – Я прекрасно понимаю твоего Анджея! Он все еще боится, что я сосватаю тебе Лелика! Не волнуйся! Утешь своего мужа. Мы с Лесей отлично проведем время без вас!

Леликом или Леславом звали единственного сына пани Леславы. Энергичная мама считала сыночка рохлей и мямлей, а потому старалась найти ему «приличную девочку» в невесты.

Однажды, когда мне было лет десять, мама проговорила, что у пани Леславы была большая любовь. Такая большая, что она бросила бродяжничество, осела на одном месте и родила любимому мужчине сына.

А потом пан Тадеуш погиб. Как – то очень глупо и некрасиво, то ли в аварии, то ли сорвался со скалы.

Похоронив любимого супруга, крестная стала еще более веселой и раскованной. Именно с той поры она носится по свету от Тайваня до Гренландии в поисках непонятно чего.

С самого детства пани Леслава несла для меня ощущение праздника. Сначала мы катались с нею на самых больших «взрослых» горках. Потом – «топили печаль» в аквапарках. Затем освоили лыжи и водные мотоциклы.

Папа только жмурился, когда вечером, за ужином, крестная громко заявляла:

– Завтра мы с Лесей идем в танцевальный клуб! – Или: – Я все узнала, гонки на оленях – это о-о-очень интересно!

Когда в городе открыли пейнтбольный клуб, мы с братьями и крестной были первыми посетителями, расколотившими «бункер» из надувных матрасов.

Первый картинг и первый взрыв на трассе – тоже наших рук дело. Правда, позднее оказалось, что пани Леслава запаслась специальными химическими бомбочками из магазина розыгрышей, но взрывались-то они по-настоящему!

Папа был в бешенстве! Он кричал, что всеобщее поклонение плохо влияет на пани Леславу! Это безответственно – использовать взрывчатые вещества рядом с ребенком!

Мама, сама очень бледная, охотно соглашалась с папой, но изрядно смягчала формулировки:

– Андрей, ну ты же знаешь, что Леслава немного не в себе после смерти Тадеуша... Конечно, она немного избалована и капризна, но красивой одинокой женщине многое прощается.

Папа очень долго сердился на крестную, но общаться нам не запретил. Пани Леслава учла осторожные мамины замечания, и наши приключения перестали носить столь взрывной характер. Во всяком случае, при родственниках.

С крестной были связаны и кое-какие мои детские секреты.

Мне исполнилось пятнадцать, когда родители путем невероятно сложных обменов через куплю-продажу и пары кредитов сумели купить две квартиры рядом – трехкомнатную и однокомнатную.

Квартиры соединили, отремонтировали, а потом мы торжественно въехали в новые хоромы. В день новоселья, как всегда, неожиданно нам на головы свалилась пани Леслава.

Маме она подарила огромную люстру чешского стекла, папе достался африканский коврик из чего-то, похожего на мочало, а мне – маленькая пушистая игрушка «ловец снов». Братья получили коробки шоколада, и поначалу я им страшно завидовала.

Однако, укладывая меня спать в новенькую кровать из лакированной сосны, мама повесила подарок на стену и подмигнула:

– Не забыла сказать «на новом месте приснись жених невесте»?

Я покраснела и спряталась под одеяло, бормоча старинный «наговор». С тем и уснула, ощущая медленное погружение в сон, как в темную воду. А потом из этой воды выступили широкие смуглые плечи, затейливый шрам под правой лопаткой и длинные пряди волос, скользящие по спине.

Мужчина, взрослый и, похоже, очень сильный. Я неосознанно любовалась мышцами спины, играющими под гладкой кожей, и тихонько вздыхала от удовольствия.

Вдруг пространство скачком раздвинулось, и я увидела больше. Широкая поляна, усыпанная лиловыми цветами. Брошенная в темную зелень яркая одежда. Женщина с двумя длинными черными косами стонет, кусая губы, под нетерпеливыми ласками смуглых рук.

Мужчина, обнимающий ее, полностью обнажен, солнце золотит его кожу. В этом беспощадном свете видно, что звездообразный шрам не единственный на его крепком теле, но каждая белеющая полоска только подчеркивает мощную мускулатуру, крепость ног, ширину плеч... От этого зрелища дыхание застревает в горле и мои руки с трудом удерживаются на месте.

Женщина не спешит расставаться с одеждой, но поддается нетерпению своего мужчины. Он стягивает на траву последний кусок ткани с ее плеч и восхищенно замирает. Не прерывая благоговейного любования своей партнершей, мужчина жадно целует ее грудь, ловит кончик косы и трепетно касается им сморщенного от свежего ветерка соска.

Женщина прогибается в талии, поддаваясь смелым ласкам, затем падает в траву, что-то шепча, а мужские руки в нетерпении стискивают ее бедра. Минута-две – и они начинают двигаться, заставляя лиловые цветы качаться в такт их движениям.

Тут я почему-то ужасно рассердилась и подумала: «Ничего себе «суженый»! «Любит» какую-то смуглую пышную девицу, пока я сплю!» – и проснулась!

Этот сон я осмелилась пересказать только крестной. Леля почему-то испугалась и посоветовала о сне молчать:

– Но если этот сон тебе не понравился, Леся, то, пожалуй, сними мой подарок. Я не думала, что «ловец» будет мешать тебе спать.

– Нет, леля, он мне не помешал, просто если это суженый, то почему он с другой?

Пани Леслава пожала своими великолепными плечами:

– Не знаю, Леся, может, это не твой суженый? – Потом крестная закусил губу и предложила: – Ляг завтра на диване в гостиной, повесь ловца и загадай увидеть во сне жениха.

– Хорошо! – Идея лели меня захватила и вечером мы незаметно поменялись кроватями. Прилаживая «ловца снов» на ручку дивана, я предвкушающе

хихикала, ожидая увидеть во сне мальчика из параллельного класса.

Увы, реальность оказалась жестока. Сон затянул меня в свои объятия почти мгновенно. На сей раз я увидела небольшой каменный пляж на берегу горного ручья. Вода шумела, скрадывая звуки, но воздух поражал прозрачностью и чистотой.

Огромная пушистая бурая шкура валялась на окатанной гальке. На ней сцепились в объятиях двое – молодой мужчина с каштановыми кудрями и уже знакомая мне девица с растрепанными черными косами!

Нежась на мягкой подстилке, они словно играли, чередуя улыбки, поцелуи, легкие укусы и откровенные ласки.

Вот девушка что-то сказала, и мужчина, потянувшись к изголовью, взял из сумки керамический флакон. Не отрывая взгляда от раскинувшейся на шкуре фигуры, он плеснул на ладонь прозрачной жидкости, согрел ее, давая раскрыться острому пряному аромату. Затем начал бережно втирать ароматический состав в смуглую кожу девушки.

За его длинными ловкими пальцами можно было наблюдать бесконечно! Каждый изгиб, каждая линия расprostертого перед ним тела были изучены и разогреты. Когда мужские руки бережно погладили то место, где сходились ноги, девушка застонала так, что перекрыла шум ручья!

На миг я застеснялась, отвела взгляд, но когда мужчина, игриво улыбаясь, лег на шкуру сам, вручив партнерше знакомый флакончик, во рту пересохло. Теперь я видела его целиком! Он не был так широкоплеч, как предыдущий мужчина. Его грудь и низ живота покрывали кудрявые каштановые волосы, мускулы не отличались рельефом, но его хотелось касаться!

Черноволосая отбросила косы на обнаженную спину и начала свое изучение. Медленно, плавно, едва касаясь – стопы, лодыжки, бедра. Аккуратно проигнорировав крепко стоящий символ мужского внимания, она двинулась выше: живот, бока, плоские мужские соски и шея.

К этому моменту ее партнер закрыл глаза и мелко подрагивал. Каждое свое прикосновение девушка сопровождала легкими отметинами от ногтей,

проглаживая, вытягивая мышцы.

И мужчина наслаждался этими движениями! Его руки мяли и тискали бедра и ягодицы девушки, не оставляя сомнения в его желании. Как же это было...горячо! Ярко!

Наконец, отложив масло в сторону, чернокошая уселась верхом на своего мужчину и потерлась черными кудряшками о его достоинство. Не выдержав этого, мужчина обхватил ее крепче, приподнял и насадил на себя, замирая от удовольствия!

Смеясь, «наездница» склонилась, ловя губами его губы и что-то шепча. Миг – и они задвигались в едином ритме, не обращая внимания на пробившийся сквозь шум воды птичий крик.

Ух, как я рассвирепела! Опять эта развратница крутит любовь с мужчиной на моих глазах! Да как она может! Ведь это явно другой! Стройнее, меньше, и кожа светлее! А когда он подмял нахалку под себя, стало понятно, что приметного шрама на длинной гибкой спине нет!

Плюнув от злости, я проснулась и, топая, как не вовремя разбуженный медведь, пошла на кухню попить воды: одни огорчения от этих снов!

Утром крестная ничего не спросила, видимо, мое сердитое лицо дало ей достаточно информации. Весь день мы дурачились в аквапарке, а ночью я спала в своей новой постели и мне никто не снился.

Постепенно гнев на черноволосую незнакомку забылся, но стоило мне очутиться в походной палатке или скучном гостиничном номере, или даже в гостях у подружки, как в сон врывались незваными самые причудливые эротические сцены, от которых колотилось сердце и кружилась голова.

Общий элемент у всех сновидений был только один – чернокошая девушка с пышными формами и удивительно красивыми руками. Уж что она творила в моих снах с мужчинами!

Сначала я плевалась, потом смотрела с любопытством, а потом даже подсмотрела кое-что в интернете, пытаюсь понять, откуда эта «Камасутра» взялась в моих девичьих снах.

Ответов не нашла, но определенные знания получила, так что порой даже хихикала, если удавалось уснуть «на новом месте», предвкушая новую серию эротического фильма.

Глава 2

Леся

Благодаря нашей внешней сдержанности, моя обаятельная и безумно потрясающая лёля продолжала наносить нам визиты примерно два раза в год, одаривая всех волнами своего внимания и веселья.

Стоило родителям закрыть за собой дверь квартиры, как пани Леслава преобразалась – из строгой аристократичной дамы она становилась сущим подростком.

Под ее руководством я выкрасила несколько прядей в цвет «розового фламинго», отчего папу чуть не хватил удар. Проколола уши и пупок (в обморок решила упасть мама). Раскрасила акриловыми красками строгий деловой костюм, пошитый к «первому звонку» в универе и расшила стразами новенькую фирменную куртку – подарок брата к началу второго курса.

Братья пани Леславы сторонились, но скорее потому, что я была ее любимицей, а братья просто приложением к маме.

Мужчин крестная покоряла одним взглядом... исключая моего отца. Он лишь хмурил брови, ловя ее выразительные взгляды и чарующие улыбки.

В этот приезд любимая лёля отправилась с нами в короткий летний поход! Она сама предложила «прогуляться, чтобы проветрить голову», выбрала маршрут и

уложила свой рюкзак.

Я была только рада – сессию уже сдала, по большей части экстерном, до практики еще пара недель, почему бы не провести самые длинные дни года на природе? Да еще в хорошей компании?

Компания, к моему удивлению, собралась большая – четыре мои однокурсницы с приятелями, два моих старших брата с подругами и три инструктора, двое из которых потащились с нами исключительно из-за женских чар пани Леславы.

Первый день пути обычно особенно не напрягает, поэтому мы постарались пройти за световой день как можно больше, чтобы добраться до «развилки».

Почему это место так называют, никто не знает. Автомобильных дорог там нет, деревень тоже. Но именно с этого места начинаются сразу пять маршрутов различной сложности.

Кроме того, на эту «точку» можно вызвать помощь или инструктора, потому что здесь уверенно «ловят» все операторы связи. По непонятному капризу природы в этих местах всегда в изобилии хворост и чистая вода в неглубоком колодце.

А еще здесь невозможно находиться более двух-трех дней. В случае задержки путников одолевает беспокойство, начинают судорожно названивать родственники либо просто волной идут мелкие неприятности, заставляющие срочно сменить стоянку.

Вот на «развилке» мы и планировали заночевать.

Добрались мы до нее на закате, уставшие до полного отупения. Даже неутомимая крестная устало свалилась на толстый слой старой хвои и, уперев ноги в ствол корявой сосны, заявила:

– Мальчики! Пока не будет костра и лежанки, меня не кантовать!

«Мальчики», инструктора лет тридцати-тридцати пяти, немедленно принялись воплощать желание дамы в жизнь. Сбор сушняка, установка палаток и половов заняла все время до темноты.

Девчонки, избавившись от тяжелой ноши и сменив надежные ботинки на легкомысленные шлепки, с упоением плескались в холодной колодезной воде. Парни, красуясь перед ними, рубили топориками сушняк и забивали колышки в утоптанную землю площадки.

Один из инструкторов разводил костер, два других ставили палатку пани Леславы. Вообще-то это была наша с крестной палатка, но мужчины были уверены, что очаровательная пани не забудет их стараний.

Вскоре над костром булькали котелки с кашей и с тушенкой. Предприимчивая однокурсница Женька предложила приготовить еду с вечера, приведя железные аргументы:

– С утра варить никто не захочет, а у парней будет голова болеть. Давайте сейчас сварим.

И все девчонки с нею согласились, даже пани Леслава.

Еще до ужина Вовка, мой самый старший брат, достал гитару и мягким бархатистым голосом запел что-то романтическое и греющее душу. Он выбрался в поход с девушкой, на которую имел серьезные виды, так что доля романтики с его стороны была очень кстати.

После чая гитару перехватил Данька – мой второй старший брат. Он, напротив, завел что-то смешное и забавное, но у меня уже не было сил слушать. Меня сморил сон.

Вовка, оторвавшись от своей большой любви, стянул с меня шлепки и сунул мою персону в спальник, тщательно укутав сверху курткой. Я благодарно буркнула:

– Доброй ночи! – и уплыла в страну Морфея, шепча привычный наговор: «На новом месте приснись жених невесте!»

Сон, как обычно, затянул в свои объятия, но на этот раз увидеть «эротический фильм» мне не удалось. Я все плавала и плавала в тумане, пока крохотная яркая искра не приблизилась, толкнув в грудь.

– Ой, – пискнула я от боли в груди и открыла глаза.

Где-то рядом раздалось громкое «бух!». Я тихонько застонала. Наверное, Вовка поленом в камень запустил! Любимый братец стабильно очаровывает поклонниц, делая утреннюю разминку в стиле: «А здесь у меня тоже есть мышцы, хотите потрогать?».

Сон оставил тягостное чувство потери, вставать не хотелось.

Приоткрыв один глаз, я едва не присвистнула: вокруг еще темно, рань несусветная! Вот ведь не спится этому бугаю в ночь глухую!

Даже себе я бы не призналась, что хотела увидеть, как смуглянка будет жарко изгибаться под очередным смутно различимым кавалером. Поэтому огромная порция раздражения достанется Вовке, или Дэну, если это он затеял гимнастику с утра пораньше.

Поворчав про себя, покрутилась в тесном спальнике и решила, что уже можно вставать – хлебнуть остывшего за ночь чаю, утащить пару сухарей с изюмом и полистать почту через мобильник.

Однако второй глаз упорно не хотел открываться. Ресницы цеплялись за густую завесу из мелких бусин и тихо позванивающих бубенчиков. Странно, Женька пошутила, или Алинка? Они однажды мне ведро ради прикола на спальник пристроили, так я от ужаса чуть стенку палатки не протаранила – так оно на мне грохотало!

Бусинки никуда не девались, и убрать их руками не получалось. Пошевелив пальцами, я поняла, что лежу в крепко застегнутом спальнике, а поверх накручено что-то еще, плотно прижимающее конечности к телу.

Запах дыма и благовоний настойчиво лез в ноздри. А еще это неприятное ощущение толстого слоя грима на лице. Я начала тихо звереть: блин, неужели опять пастой разрисовали? Тогда почему она не печёт?

Наконец путем мерных колебаний головы мне удалось немного разогнать бусинки с глаз.

– Мамочка! – Я хотела закричать, но во рту пересохло, и плотная «маска» так стянула кожу, что получилось лишь сдавленное бульканье.

Надо мной склонилось нечто! Белое лицо невероятных размеров. Огромный зубастый рот, черные провалы глаз и длинные неопрятные лохмы шерсти вокруг.

– Бу-бу-бу-бу-бы! – пробубнило существо, а на заднем плане раздалось рыдающее: – А-а, а-а!

– Бы-бы-бы-бы-бы-бы-бы! – Существо открыло окровавленный рот и дыхнуло на меня чем-то весьма затхлым и чесночным.

– А-а, а-а! – Откликнулся плач. А мне полегчало: раз пахнет чесноком – значит, не вампир.

Следующие полчаса существо скакало вокруг меня, вопя и плюясь, причем слов я не понимала совсем, и даже отдельные звуки резали слух. Плакальщицы постепенно затихли, и к вопящему абракадабру соло присоединились другие голоса – столь же пронзительные, но явно мужские.

У меня жутко чесалась спина, хотелось есть, пить и в туалет, но эта пляска все продолжалась. Через некоторое время бубнеж стих и у моих ног появились четыре абстрактные фигуры, закутанные в меха, яркие ткани и непредставимое количество бус.

Фигуры помаячили у моих ног; бубнящий тип, потрясая лохмами, навесил им на шею белые шарфики и указал на меня. Все это неприятно напомнило мне похороны бабушки – меня, что, на кладбище нести собрались? На шарфиках?

Отпустите меня, я еще живая!

Остервенело пытаюсь выпутаться из кокона, я задергалась, забилась в истерике, но услышала лишь одобрительное:

– Чоха! Чоха!

И четверо крепышей с шарфиками подняли меня на плечи и понесли! Теперь я видела только небо и бусинки. Ощущала, как ходят ходуном плечи мужчин под моими лопатками и бедрами. Слух тоже помогал слабо: крики, звон, грохот – все слилось в один непрекращающийся гул.

Даже обоняние меня подвело – прохладный воздух казался безупречно чистым и разреженным, словно я была не в десятке километров от довольно крупного города, а где-то в нетронутых цивилизацией горах.

Когда в горле собралась тошнота, а перед глазами от ритмичного бега носильщиков замелькали мушки, я решила, что умру, но, слава Богу, тряска прекратилась. Меня вновь опустили ниже и уложили на что-то твердое. Перед глазами возникло какое-то строение, прилепившееся к скале, как ласточкино гнездо. Очень яркое, красно-сине-зеленое, с большим количеством позолоты.

В дверях строения помаячил мальчик в красно-белой головной повязке, и носильщики понесли меня внутрь. Скрипучие крутые лестницы не добавили мне радости, да и мужчины явно постанывали, разворачиваясь на узкой площадке.

После всех трудов и усилий, меня внесли в просторный зал, заполненный статуями, жаровнями и курительными палочками, и плюхнули на возвышение, похожее на катафалк.

Из-за занавески вышел полненький старичок в шафрановой накидке и алой перевязи. На его бритой голове покачивалась маленькая высокая шапочка с бубенчиками.

Старичок подошел ближе и, потряхивая чем-то вроде деревянных маракасов, тягуче запел на одной ноте.

С пением он обежал вокруг меня и тех четверых, что стояли рядом. Потом сменил маракасы на трещотки и побежал снова. На третий заход он отправился с парой связок бубенцов.

Мои глаза не выдержали его беготни и устало закрылись. Тотчас стоящий у локтя мужик, увешанный бирюзовыми бусинами (и как я догадалась, что не женщина?) больно толкнул меня локтем в бок.

Ах ты ж, гад! Ну, ты у меня получишь! Дай только выбраться из этой ловушки! Я на тебя крестной пожалуюсь, вот!

Следующие десять минут я услаждала себя мыслями о том, как лёля порвет этого амбала на куски, а Вовка с Данькой отобьют полученное до состояния блинчика.

В финале утомившийся старичок обрызгал нас всех чем-то очень вонючим и ушел, скрывшись за малозаметной дверцей, получив от того самого нахала в бирюзе связку весело бренчащих монеток.

Потом меня вновь подняли на плечи. Мы кое-как спустились и в хорошем темпе потащились дальше. Надеюсь, все ж не на кладбище? Перед глазами замелькали бусы, облака, серые скалы и... пирамидки! Маленькие башенки, сложенные из неотесанных камней.

Горные вершины, укрытые снегом. Похоже на Алтай, или все же Китай? Хотя, почему я ограничиваюсь ближними соседями? Перу тоже подходит! Меня украли? Дикое племя? Или это современные ролевики?

Башенок становилось все больше. На каждой пирамидке развевались длинные лоскутки, уныло побрякивали какие-то подвески, а потом я разглядела у подножия этих сооружений черепа! И почти во всех были дыры!

МАМА!

Глава 3

Леся

– А-а-а-а-а! – Я дергалась, редела, пытаюсь поднять руки и вырваться из кокона, в котором меня несли.

Носильщики не обращали внимания на мои крики, они сами что-то громко орали и ритмично топали сапогами. К тому времени, как мои мучители остановились, я

уревелась до состояния ступора. Мне было почти все равно: на алтарь так на алтарь; на кладбище так на кладбище!

Оказалось, что мы все же не на кладбище. Дружно хекнув, мужчины опустили меня на землю перед очередным расписным домом. Сработали инстинкты, и я стала судорожно высматривать то, на чем меня попытаются принести в жертву. С громадным облегчением искомого не обнаружила.

На редкой зеленой травке перед зданием стояла толпа узкоглазого народа в ярких одеждах. На сей раз меня не просто положили, а прислонили к столбу, так что я оказалась почти стоящей. И для надежности кулек с моим телом еще и примотали длиннющими ткаными лентами к тому самому столбу, который находился за моей спиной.

Люди, по-прежнему держащиеся в стороне, выглядели необычно. Нет, в наше просвещенное время я успела повидать и турок, и греков, и негров, и японцев... и даже одного бербера на выставке в музее. Но эти люди были совсем другими.

Смуглая красноватая кожа, раскосые глаза, множество бус, ярких одежд и повязок. Рядом с маленькими детьми часто стояли крупные лохматые собаки, как и все тут, украшенные яркими лентами, бусинами и лоскутками. От удивления я не отводила взгляда от толпы, забыв о своем ужасе. Рано забыла!

Носильщики, убедившись, что я никуда не сбегу, начали прямо у моих ног насыпать костер! То есть не совсем костер, просто огромное количество всевозможных палок, веток и даже вязанок сушняка! На меня опять накатила ужас, и я зарыдала безмолвно, боясь лишний раз всхлипнуть.

Когда костер был готов, меня отвязали, приподняли и с торжественным гудением на одной ноте уложили на дрова, политые ароматическим маслом. Я зажмурилась, и начала мысленно читать молитву, прося прощения у всех родственников и знакомых. Если сейчас дрова подожгут, гореть во всей этой сбруе я буду недолго и быстро отойду в иной мир с гудящим пламенем!

Однако сразу поджигать дрова не стали – в поле моего зрения появился очередной старичок в шафрановом халате. Бегая вокруг, он уныло выл на одной ноте и окуривал меня дымом из неглубокой плошки. Я не отводила от него взгляд, прикидывая, есть ли шанс скатиться с этой кучи, если из курильницы

выпадет хотя бы один уголек, одна искорка.

Уголек, на мое счастье, не выпал. К немалому облегчению, носильщики сняли меня с костра и примотали обратно к невидимой мне подставке. Положение тела переменялось, кровь хлынула к затекшим ногам, и это на некоторое время отвлекло меня от окружающего мира.

Стоило мне, повозившись, устроиться поудобнее, как передо мной склонился кто-то в огромной войлочной шапке с белым шарфиком на шее и неожиданно на понятном мне языке произнес:

– Красавица какая! И белая, и сдобная! – Мужик расцвел в алчной улыбке: – А уж сла-а-а-адкая поди какая!

Я содрогнулась: они еще и каннибалы? Меня собрались есть?

Мужчины, стоящие подле меня, воздели над головой сжатые в замок руки, словно собирались колоть дрова, и хором ответили:

– Множества коней твоему роду, дядя!

Растроганный родственник, продолжая улыбаться, как голодная акула, ущипнул меня за бок, повторяя, какая я мягкая и сладкая. Один из носильщиков прочистил горло. Голодающий мужик очнулся и навесил на шеи мужчин белые шарфики, а еще один достался мне. Вместо салфетки, должно быть?

Хор благодарных славословий от носильщиков я пропустила мимо ушей. Меня нешуточно колотило – я их понимаю! Почему же не понимала, когда надо мной вопили раньше?

Следом за дядей к нам потянулись остальные родственники. Мужчины кланялись мне, едва не облизываясь, и навешивали нам всем шарфики. Женщины укладывали на меня груды ярких, расшитых узорами платочков.

При этом, если я правильно поняла, все подходящие приходились охраняющим меня мужикам родственниками. Носильщики постоянно кланялись, побрякивая бусами, и вежливо отвечали на шуточки про мой вкус, мягкость и сладость. А у

меня стучали зубы.

В воздухе постоянно раздавалось:

– Мягкого вам хлеба, тетя!

– Сто лет вам до седин, дядя! – И прочие цветистые пожелания.

Мои опасения крепили с каждой минутой. Если я не жертвенный баран – то кто?

Когда поток родственников с длинными славословиями иссяк, а меня почти задушили шарфиками, из дома вышли три мужика с длинными узкими усами и одна женщина в вычурном головном уборе. Они тащили огромное медное блюдо, украшенное какими-то остро пахнущими травами, плодами и лентами.

Подойдя к нам, блюдоносцы устроили переключку с моими носильщиками. Мне показалось, что они торгуются за мое тело. Для меня это звучало так страшно, что я опять закрыла глаза, мечтая еще и закрыть уши, чтобы не слышать их гортанных голосов.

Из ступора меня вывело бряцание. Выяснилось, что блюдоносители уже получили от носильщиков несколько связок мелких блестящих монеток и поставили блюдо на костер. Пипец! Так они меня жарить собрались? Прямо в одежде? Одежда приправой пойдет, что ли?

Я еще громче застучала зубами.

Носильщики, видимо, тоже учли неудобство этого факта. Они очень быстро отвязали меня от подпорки, вынули из плотного кожаного кокона (не спальник это был вовсе!) и, раздев до то-оненькой рубашки, водрузили на это блюдо, красиво разложив на мне что-то похожее на картошку и петрушку.

Я буквально застыла, крик замерз в горле – кажись, меня занесло к людоедам. И меня собрались запечь с гарниром, как курицу.

Под радостные крики толпы блюдо понесли к строению. Кто-то скажет – а почему ты не вскочила, не закричала, не попыталась сбежать?

А вы сами попробуйте несколько часов пролежать связанной, точно колбаса, нареветесь до икоты, испугаться едва ли не до мокрых штанов, а потом попытаться вскочить, закричать – ну, в общем, сделать все, что вам кажется необходимым в такой момент!

В дом меня внесли под звон посуды и лай собак. Невысокие, увешанные бусами девушки лупили ложками в медные миски. Некоторые барышни кидали керамическую посуду под ноги носильщикам и те приплясывали на месте, норовя меня уронить.

Внутри обнаружились оштукатуренные стены и яркие плетеные коврики. Занавеси из бубенцов, стеклянных бус и резных кусочков дерева. Медные узкогорлые кувшины и подвесные лампы – все служило фоном шумной скалящейся зубастой толпе, оглядывающей меня с явным плотоядным интересом!

От ужаса я опять закрыла глаза. Слез уже не осталось. В памяти проносилось все, что я смотрела или читала о племенах африканских людоедов. Мелькали кадры операций и нападений маньяков. Апофеозом стала картинка моего тела, разделанного на манер виденного однажды освежеванного поросенка.

Кажется, ужас накрыл меня окончательно, когда блюдо со мной водрузили на длинный низкий стол, уставленный подносами с едой и кувшинами с напитками. Оглядевшись, я поняла: мне конец! И потеряла сознание.

Глава 4

Балсан

Праздничный день, один из трех важнейших дней в жизни мужчины. Я неохотно проснулся на рассвете и прочел положенные молитвы. Мы с братьями долго готовились к этому дню, но когда час настал, я чувствовал себя беззащитным,

словно крестьянин перед закованным в броню десятком воинов. Мое чутье не раз спасало меня на перевалах и в пути, но сегодня я не мог послушать его и сбежать – я дал слово воина и мужчины.

Оглянувшись на братьев, я увидел, что им тоже не по себе. Гампил облачался в нарядную одежду, шепча привычные наговоры, но его лицо по-прежнему было неподвижно. Ни улыбки, ни гримасы недовольства. После возвращения домой мой брат напоминал выгоревшую пустыню, а сегодня в этой пустыне зловеще завывал голодный ветер. Жалко и страшно было смотреть, как брат плотно затягивает пояса и тесемки, чтобы одежда не болталась на его тощем слабом теле. Как ни старалась мать откормить второго сына, у нее ничего не получалось. Поймав мой взгляд, Гампил виновато опустил глаза – он винил себя в том, что не может работать на пастбище, и как целитель теперь ничего не стоит. Я задержал дыхание, чтобы не выдать ему своей жалости, а потом отвернулся, делая вид, что шнурую сапоги.

Дэлэг, напротив, одевался быстро, улыбался, подмигивал своему отражению в начищенной медной пластине, но слишком нервно оправлял одежду, а его длинные ловкие пальцы долго путались в завязках. Он тоже боится, понял я. В его чуткой душе свои раны. Учителю брата жена запретила петь для посторонних, и его талант усох, потускнел в темноте жениной спальни.

Ёши, как всегда, не поднимал глаз. Мне хотелось подбодрить его, но я редко виделся с ним и не знал, что ему интересно. У него свои страхи – а что если он придется не ко двору? Просто выгонят из дома? Такому, как он, нет дороги в монахи, да и в батраки не возьмут. Люди боятся всего необычного.

Про себя я решил: если Ёши изгонят, отведу его в пещеру, в которой спрятал свое воинское снаряжение. Пусть живет там и охраняет. Уж кусок овечьего сыра и горсть проса я для него найду.

Закончив надевать праздничные одежды, мы скрыли лица ритуальными масками, которые должны были спрятать нас от злых духов. Дэлэг особенно тщательно рисовал полосы и точки, должны запутать всех желающих нам недоброго. Когда маски подсохли, мы накинули капюшоны и в облике духов спустились в деревню.

Нас уже ждали – погребальная лодка с телом нашей невесты стояла у ворот. Плакальщицы оплакивали уход души в иной мир. Их лица покрывали синие линии, изображающие дорожки слез, и блестящие капли пота, нарисованные толченой слюдой. Лица невесты мы не видели – кроме росписи, ее по обычаю скрывала занавесь из мелких бусин. Младший жрец скакал вокруг с треском и звоном, отгоняя злых духов. Взвалив на плечи кожаный челн, обвитый путами, должныими удержать дух на месте, мы отнесли его в храм, дабы жрец благословил ушедшую душу и позволил ей переродиться.

Вот, наконец, и знакомый двор. Отцы вкопали славный столб – гладкий, ровный. Мы подняли челнок и показали уходящей душе мир, который она оставляет. Родственники поднесли погребальные дары, а потом возложили тело на символический костер. Мне показалось, что я увидел золотистый сгусток, скользнувший ввысь от погребального ложа, но братья не дали мне лишней минуты на молитву – Гампил потянул к «костру». Настало время душе возродиться в новом теле!

Вынимая Геле из погребального челна, я старался действовать быстро и аккуратно, представляя себе, что это мой раненый товарищ. Но моя мужественность не хотела признавать это. Тонкая сорочка просвечивала и облежала красивое женское тело, соски зябко топорщились, натягивая полотно, и я был просто счастлив, когда пришли родители, позволяя нам выкупить родовое блюдо, на котором новорожденного вносили в дом, принимая в семью.

Травы и коренья, отгоняющие зло, скрыли тело Геле; девушки принялись громко стучать в медную посуду, пугая злых духов голода и бедности. Собаки друзей и родственников приветствовали новую хозяйку дома, стараясь ткнуть носом в безвольно свисающую руку. Мы с братьями дружно внесли новую жизнь в наш дом и по обычаю поставили блюдо на стол, знакомя с домашними духами.

В этот момент Геле закатила глаза и обмякла. Мать тотчас протолкалась к нам и шепнула:

– Умаялась девочка, унесите ее наверх, там все готово.

Под радостные крики гостей мы взяли новорожденную на руки и, пройдя семь защищающих порогов, отнесли ее в спальню. Мать и правда приготовила удобную постель, еду и украшения. А потом принесла подарки, чтобы молодая

жена сразу увидела, как ее ценят в нашей семье.

Братья поклонами благодарили мать, храня положенное женихам молчание, но как и я, были уверены, что все эти хлопоты напрасны. «Наказанная душа» редко живет с людьми, ее больше привлекает мир духов. Только Гампил, к моему удивлению, не отходил от Геле, в его позе мне чудилась какая-то эмоция, хотя лицо по-прежнему оставалось неподвижным.

- Брат, - я едва заметно коснулся его плеча, - что с ней?

- Душа оставила тело, - ответил Гампил, не поворачиваясь.

Он продолжал держать ее за руку, выслушивая биение жизни.

- Она вернется? - мы оба понимали, что гибель девушки на церемонии - плохой знак.

- Она здесь, просто еще не привыкла к нашему миру, - ответил брат.

- Подождем, - вздохнул я, устраиваясь на ковре.

Мне, как воину, не впервой долгое ожидание. Прикрыв глаза, я ушел в себя, стараясь понять, что же меня тревожило весь день.

Глава 5

Леся

Очнулась на чем-то мягком. Руки-ноги свободны, но все тело налито свинцовой тяжестью, голова тяжелая и гудит, бусинки по-прежнему закрывают лицо. Я не знала, стоит ли мне шевелиться, просто затаилась, как мелкий зверек. Вдруг рядом раздался шорох, и я вздрогнула, выдавая себя.

Тотчас чьи-то большие руки приподняли меня за плечи, в губы ткнулась чаша, пахнувшая травой:

– Пей! – Голос звучал хрипло, но вполне понятно.

Странные похитители – заботливые!

Сделав несколько глотков терпкого травяного настоя, я пошевелилась – рубашка есть, не знаю, та или другая, но тело прикрыто. Сверху лежит тяжелое толстое одеяло. Пахнет дымом и холодом, а еще едой и чем-то алкогольным. Мучительно ноет все тело – такое не может присниться!

Так меня не съели? Я еще жива?

Ослабевшей рукой я отвела от лица бусы и уставилась в маску наподобие африканской! Не закричала только потому, что горло перехватило спазмом. Я закашлялась, и те же сильные руки помогли удержать равновесие.

Поняв, что меня не бьют, не ругают и вообще касаются только плеч, я, наконец, рискнула посмотреть на то, что находится рядом. Вокруг низкой кушетки, на которой я сидела, стояли четыре фигуры в широких ярких балахонах.

Вид у них был пугающий, а вот руки вполне человеческие, только унизанные большим количеством колец и браслетов.

Украшения на том, что держал меня за плечи, показались знакомыми. Точно! Это его рука придерживала меня слева. Так значит, это мои носильщики? Когда один из них протянул ко мне руку, я невольно отшатнулась мужчины немедля что-то успокаивающе забормотали, а тот, что меня держал, с усилием проговорил:

– Сейчас, Геле, подожди!

Я честно пыталась не дергаться. Уговаривала себя, что нужно затаиться, вытерпеть этих странных людей и найти способ сбежать. Пусть пока делают что хотят, лишь бы не съели. Может, дурочкой прикинуться?

Пока такие мысли крутились в моей голове, эти парни продолжали меня шокировать.

Насовав мне под спину подушек, носильщики, все четверо, немного отошли и скинули огромные накидки с капюшонами, закрывающими лица. Я невольно засмотрелась.

Первым разделся тот, который заехал мне локтем в ребра. Я запомнила его по приметной нитке бирюзовых бус на рукаве. Он оказался и самым широкоплечим, хотя и не самым высоким.

Его лицо покрывал толстый слой какой-то мастики белого цвета. Три синие полосы на лбу, две красные на щеках, черные точки на подбородке и обведенный кармином рот. Жуть!

Я сообразила, что, не скрываясь, пялюсь на носильщиков. Вспомнила – смотреть в глаза похитителям нельзя! – и перевела взгляд на стену. Странная она какая-то! Потыкала пальцем для верности и опять подвисла: стена оказалась плетеной! Да-да! Как корзинка! Только промежутки между прутьями заполняла глина.

От стены отвлек меня стук бусин и шорох ткани – накидки сбросили все остальные мужчины. Тот самый, который с бирюзовыми бусинами, ткнул себя в грудь большим пальцем и сказал:

– Балсан[2 - Очаровательный]. – Потом ткнул пальцем в самого высокого, с двумя синими полосами на лбу и желтыми концентрическими кругами на щеках: – Гампил[3 - Умножающий радость].

Желтощекий коротко поклонился, совершенно не выразив никаких эмоций, и подтолкнул вперед третьего.

– Дэлэг[4 - Покой], – сказал тот, который представлял всех. – И наш младший, Ёши[5 - Всеведающий].

Младшенький носильщик робко смотрел в пол, словно боялся поднять на меня глаза. Неужто я такая страшная? Его лоб украшала только одна синяя полоса, на

щеках пунцовели карминные точки, а фигура отличалась некоторой субтильностью. Похоже, и впрямь младший.

Поймав себя на том, что вновь откровенно глазею на незнакомых мужиков, перевела взгляд на свои руки. В поле зрения оказались длинные, до кончиков пальцев, рукава.

Голова все еще кружилась, расписные красавцы двоились в глазах, но я заметила, что рубашка присыпана разноцветными крошками. Что это?

Торопливо ощупав лицо, я обнаружила толстую корку, напоминающую засохшее тесто. Так я такая же расписная, как эти ребята? Понятно, отчего они так плохо говорят – в такой маске и дышать непросто!

Лицо сразу зазудело, вызывая раздражение. Стараясь отвлечься от этих ощущений, я принялась мысленно бухтеть:

– А чего они вообще тут толкуются и своей красотой хвастаются? Раз есть меня не собираются, то может, хоть накормят? – Все мои сумбурные мысли выразил громко забурчавший желудок.

Этот звук вызвал панику в рядах противника. Мужчины подпрыгнули и собрались куда-то бежать. Но их остановил тот, который со мной разговаривал:

– Ты хочешь есть, Геле[б - Счастье]?

Как он меня назвал? Смотрит на меня. Значит, спрашивал тоже меня?

– Хочу, – закивала я, штукатурка посыпалась еще сильнее, пачкая уже не только рубашку, но и одеяло.

– Сейчас младшие принесут, – сказал этот тип и что-то показал на пальцах. Остальных парней как ветром сдуло.

– А умыться можно? – я попыталась состроить щенячьи глазки, но под маской все было бесполезно.

Словно удивленно задумавшись на секунду, мужчина кивнул и добавил:

– Я помогу тебе встать.

Подойдя ближе, он помог мне выбраться из постели, касаясь моего тела через довольно тонкую рубашку вроде старушечьей ночнушки. И тут я подвисла! Тело было не мое! Ну вот совсем! И слушалось плохо!

Одежда тоже чужая, но тут еще ладно, рубашку мне могла одолжить любая сердобольная женщина, мало ли что со мной случилось в походе? Травм вроде нет, но при движении возникает ощущение, что я пытаюсь управлять машинкой через пульт, в котором слабо разбираюсь...

Я снова задумалась, пытаюсь высмотреть хоть что-то знакомое в комнате: рюкзак, обрывки палатки или снаряжения. Может, не только я сейчас нахожусь здесь? В поход нас отправилось шестнадцать человек. Вдруг нас накрыла эпидемия или ливень? Или лагерь разгромили какие-нибудь сектанты? Все могло случиться... но такие изменения тела!

Во-первых, я оказалась этому крепышу едва выше плеча! Во-вторых, на моей подтянутой спортивной фигуре откуда-то взялись довольно впечатляющие округлости! А в-третьих, поднеся к глазам руку, увешанную кольцами и браслетами, я убедилась – рука тоже не моя!

Сколько раз мама, смеясь, читала мне отрывок из Пушкина:

– ...А бела, что сметана;

Очи светятся, будто две свечи!

Где она, эта «сметана»? Смуглая кожа с легким красноватым оттенком! Короткие ногти без следов маникюра! Пальцы, расписанные затейливым темным узором наподобие «огурцов», все унизаны кольцами. Пухлые, почти детские ладошки без следа мозолей! И... талия! И грудь!

Пока я лихорадочно себя охлопывала, Балсан не терял времени – обняв за плечи, повел в уголок за занавеской. Ступать на затекшие ноги было больно, так что

самоуправство я ему позволила, но локти, чтобы не прижимался, выставила!

За занавеской обнаружился «совмещенный санузел» – большой медный таз, такой же кувшин, украшенный чеканкой, и скромно накрытый крышкой ночной горшок.

Вот тут я чуть не взвизгнула от восторга! Встречи с «фаянсовым другом» я дожидалась уже давно! Настойчивого поклонника пришлось вытолкать прочь и самостоятельно разбираться с мылом и лоскутками непонятно чего, заменяющими туалетную бумагу.

– Уф! Управилась!

Теперь бы еще лишнее с головы снять – мелькающие перед глазами бусинки плюс постоянный звон в ушах настроения не улучшали. Однако понять наощупь, что накручено у меня на голове, я не смогла. Покрутилась, по привычке охлопала места для карманов – ни телефона, ни зеркальца.

Зато на стене есть полированная медная пластинка! Блестящая медь отразила несколько расплывчатых белых и черных пятен. Не зря младшенький взгляд прятал: такое во сне увидишь – топором не отмашешься!

Намочив в тазу кончики пальцев, я оценила толщину «маски». Смыть ее придется неделю! Надо действовать по-другому! Жаль, ноги плохо держат, придется обратно идти.

Осторожно шагая, цепляясь за стены и мебель, я вернулась в комнату и, не обращая внимания на присутствующих, закопалась в куче платков, сваленных на низкую кушетку у стены.

Мужчины не отводили от меня глаз, не пугаясь остатков «маски». Хотя подозреваю, что не без причины: рубашка сильно просвечивала. Вообще «носильщики» смотрели на меня странно, словно на дитя малое, которое только играет во взрослую женщину.

Выбрав один из платков, расшитых поскромнее, я расстелила его на коленях и принялась отковыривать штукатурку. Говорить в этой глиняной маске было

невозможно. Сейчас отковыряю, поблагодарю за представление и попрошу мобильный. Номера крестной и братьев я помню наизусть.

«Носильщики» решили помочь в этом нехитром деле – тот самый нахал с бирюзой на рукаве потянулся своей лапищей к моей щеке. Я вздрогнула и почти замахнулась – как только ему в нос не заехала? Остатки хорошего воспитания сработали, наверно. Взяв себя в руки, я просто отстранилась и попросила:

– Лучше воды дай, умыться надо.

Мужчина без лишних слов встал и принес мне плошку с водой. Пока он ходил, я смотрела на него во все глаза, не сразу поняв, что так привлекло мое внимание.

Интересно он двигается, даже под ярким халатом с объемными рукавами чувствуется выправка сродни военной. И руки – не просто мозоли от лопаты или молотка, а «набитые» ребра и костяшки. Крупные пальцы, широкие плечи – воин? Мечник? Рукопашник?

Доковыряв грим, я смочила другой платок и утерла лицо, едва не застонав от удовольствия. Три пары глаз пристально уставились на мое освобожденное от маски лицо. Что-то они странно реагируют, словно боятся или не доверяют?

– А вы умыться не хотите? – спросила я мужчин, заметив, как самый молодой, не поднимая глаз, осторожно царапает мастику.

Они радостно закивали и тут же повторили мои действия, отколупав толстый слой краски и умывшись. Правда, они для умывания уходили за занавеску, но тем интереснее было смотреть на них, когда они появлялись оттуда один за другим.

Старший не зря носил бирюзу – у него были раскосые бирюзовые глаза и короткие темные волосы. Лицо жесткое, словно обветренное, на переносице залегла глубокая складка, над бровью тонкий белесый шрам. Весь его облик дышал силой и достоинством.

Пока я рассматривала его, он рассматривал меня, и в его холодных глазах я по-прежнему видела настороженность. Кстати, полы халата он как-то очень ловко

подвернул, рукава стянул завязками и, в результате варварски пышное одеяние не мешало ему двигаться, да и сидело как-то удобнее.

Волосы второго «носильщика» были гораздо светлее, соломенные с приятным золотистым отливом, а глаза оказались зелеными, как весенний лед. Без грима стало видно, что кожа у всех разная, но с тем же красноватым оттенком, как у меня. Однако у этого парня под глазами залегли глубокие тени, словно он долго болел. Выражение его лица было отстраненным, сразу вспомнилась старая сказка с заколдованной женщиной, повторяющей ровным голосом:

– Что воля, что неволя – все равно...

На меня он смотрел почти без любопытства, но, заметив мой интерес, терпеливо снес разглядывание. Его одежда была излишне просторной, словно он сильно похудел, и не успел купить новую.

Третьим вышел парень в коралловых бусах, и я чуть не засмеялась: вот уж сухота девичья! Белый, румяный красавчик с карими, как вишни, глазами! Его довольно длинные волосы завивались кудрями, а на щеках красовались умильные ямочки.

Длинные тонкие пальцы нервно перебирали пояс, словно струны гитары. Наконец, потрянув каштановыми кудрями, красавчик уставился на меня. Увы, старшие братья дали мне хорошую закалку: я вытаращилась в ответ и усмехнулась.

Парень если и не смутился, то уж такого нахальства от меня точно не ожидал. Потом поджал красивые губы, оттененные легким пушком, и демонстративно повернулся несколько раз, показывая себя во всей красе.

Я оценила, но сделала вид, что зеваю. Вытаращенные глаза кареглазого заставили меня приснуть. Ладно-ладно, дамский угодник, посмотрим, кто кого!

Последним нога за ногу выполз младший. Ёши, кажется. Совсем молодой пацан лет пятнадцати, а, может, и меньше. Он еще не избавился от подростковой угловатости и худобы, а цвет глаз оставался загадкой – парень по-прежнему смотрел в пол.

Помахав перед ним руками и ничего не добившись, я от мальчишки отстала: захочет – заговорит!

– Ребята... – почувствовав усталость, я решила, что уже можно спокойно посмеяться над этим балаганом. – Мобильник дадите? – Намекнула: – Меня, наверное, уже ищут.

Четыре пары глаз уставились на меня в полном недоумении. Я прямо видела, как в их глазах недоумение сменяется тоскливой обреченностью и страхом. Что это с ними? Через некоторое время самый старший осторожно переспросил:

– Кто тебя ищет, Геле?

– Родители, братья... – Я осматривалась, надеясь обнаружить розетку или, на худой случай, кусок пластика. – И почему Геле? Меня зовут Леся.

– Ле-с-са... – Старший словно попробовал на вкус мое имя и оно ему не понравилось. Покачал головой. – Астролог назвал тебя Геле. И твои родственники придут к нам завтра посмотреть, как хорошо тебе в новом доме, – пожал плечами голубоглазик.

– Так они знают, где я? – Кажется, я растерялась.

Что еще за игры? Так это не похищение? А что тогда? Экстремальный туризм?

– Конечно! – Старший вновь пожал плечами и осторожно переключил мое внимание на подносы с едой: – Кушать будешь?

В животе опять забурчало, и я закивала, бренча бусинками.

Тотчас ко мне подвинули низкий столик, поверх которого стоял поднос с небольшими чашками типа пиалок. В одной чашке дымился бульон. В другую положили очень крутую кашу, по виду похожую на ячневую. Тут же приготовленные для трапезы маринованные грибы, какие-то побеги, соленый сыр, соусы и тонкие сухие лепешки.

Отдельно в блестящей, кажется, серебряной чашечке стояла простокваша. Я только взглянула на нее и тут же накрыла лепешкой – с детства ее терпеть не могу!

Так что первым делом я взяла бульон и принялась пить через край. Делая глоток за глотком, я опять взглянула на мужчин и чуть не поперхнулась: они пристально смотрели на меня. Даже на вступительных экзаменах меня не пожирали так взглядами. Поставив чашку дрожащими пальцами, я спросила:

– Что такое?

Мужчины поспешно перестали глазеть, но их неотступное внимание меня нервировало.

Пришлось отвлечь:

– А почему вы не едите?

– Ждем твоего приглашения, – улыбнулся голубоглазик, но его улыбка совершенно не коснулась холодных внимательных глаз.

Зеленоглазый при этом дернул углом рта, а кареглазый недовольно поджал свои выразительные губы. Младший по-прежнему изучал пол.

– Ешьте, конечно, – я пожала плечами. – Одной мне и кусок в горло не полезет.

Парни почему-то удивленно-довольно переглянулись и тотчас расселись на полу перед такими же столиками. Самый младший заносил подносы с едой, а кудрявый наливал всем густой напиток, цветом похожий на топленое молоко.

Мне тоже наполнили пиалку. Я попробовала – чай, только заваренный не кипятком, а горячим молоком. Варено получилось густое и жирное, да еще и соленое в придачу. В общем, пить это я не смогла. Обошлась бульоном и травяным настоем в отдельной чашке.

Пока жевала и глотала, исподтишка поглядывала на своих «носильщиков». Старший ел быстро и аккуратно – большие куски мяса с подливой, зелень и

крупа исчезали с завидной скоростью.

Светловолосый ел мало и как-то осторожно, словно прислушиваясь – не отзовется ли кусок лепешки внезапной болью. В основном он пил бульон и деликатно отщипывал выпечку.

Кудрявый красавец ел умеренно, но выбирал из чашек какие-то только ему известные лакомые кусочки, за что пару раз получал неодобрительный взгляд старшего.

Младший, не поднимая головы, равнодушно жевал лепешку, в которую скидал все, что было в паре соседних мисок. Выражение лица было как у человека, питающегося фаст-фудом: «Горячо, сытно – и фиг с ним, со здоровьем!»

Когда я наелась, Ёши унес поднос, а вместо него принес другой. Этот поднос отличался от первого. На изукрашенной медной пластине стояли четыре бронзовые чашечки, украшенные разноцветными камушками. Бирюза, хризолит, коралл и, по-моему, желтый топаз. Чашечки были буквально «с верхом» наполнены сладостями.

Я присмотрелась. Вообще-то я не сладкоежка, а тут передо мной красовались сладости с табличкой «смерть от калорий!».

Кусочки обжаренного теста, политые медом; ломтики фруктов, леденцово-блестящие от сахара. Орехи и семечки, склеенные медом и сахаром в различные фигурки. Скрученные в спирали вяленые фрукты, жирное печенье, усыпанное жареной в масле мукой...

Одним словом, еда «прощай, талия!».

В общем, полюбовалась я на это все и отодвинула поднос. Лица мужчин вытянулись, но у младшего и зеленоглазого явно мелькнуло облегчение.

– Геле, – хриловато спросил голубоглазый, сглатывая. – Ты не хочешь сладкого?

В его голосе звучала странная сильная эмоция, я даже немного испугалась:

– Спасибо, я уже сыта, – ответила, стараясь, чтобы голос не вибрировал.

Очевидно, мой страх проявил себя слишком явно. Балсан тотчас отодвинулся, сложил крупные ладони на коленях и сказал:

– Вторая половина мужа – его жена, а вторая половина жены – ее муж. Мы не причиним тебе зла, Геле.

Очевидно, я вытаращила глаза, но речь старшего поддержал кудрявый красавчик:

– Геле, для нас ты – дар Прекраснокосой, мы не можем топтать то, что даровано богиней!

Убежденности в голосе второго я не расслышала. Вообще, было похоже на то, что он проговаривал некие традиционные слова. Сказал и замолчал, потупившись.

Остальные согласно закивали: мол, да-да, верь нам, мы хорошие! Я скептически на них посмотрела, но мужчины явно были искренни – рук не тянули, пошлых улыбочек или шуточек не отпускали. Зеленоглазик даже пиалку с травяным отваром подал, попей мол, успокойся...

Тут я вспомнила, что все еще не знаю, что со мной и где я:

– А можно мне телефон? – состроила просительную мордашку.

– Телефон? – Балсан похлопал длинными темными ресницами и заговорил как с больным ребенком: – У нас нет те-ле-фон... – Вздохнул: – Тебе надо поспать, Геле, завтра будет «цам».

Вот теперь я услышала, что до этого момента мы разговаривали на другом языке, не на русском! Слово «телефон» звучало в устах этого мужчины чем-то чужеродным.

В голове опять поднялась волна паники: что за иностранцы такие и откуда я знаю этот язык? Обучение под гипнозом? А если я не хочу играть в глупую иностранную туристку? Меня накажут?

– Та-ак... – После еды у меня прибавилось сил, и теперь я намеревалась выяснить все окончательно. – Еще раз объясните мне, где я нахожусь, что вы от меня хотите и что такое «цям»?

Старший подал какие-то знаки, и остальные мужчины ушли, забрав остатки еды. При этом вид у них был очень расстроенный, скорее, даже глубоко опечаленный, а голубоглазый присел на корточки у моих колен и начал разговаривать со мной негромким ласковым голосом, как с двухлетним ребенком.

– Ты в нашем доме. Мы хотим, чтобы ты отдохнула и набралась сил. Завтра будет длинный день. «Цям» – это церемония, на которой будут танцы и подношения даров. Она длится очень долго, с рассвета до заката, а ты сегодня очень устала. Тебе нужно отдохнуть...

Я хотела возразить, потребовать телефон или хотя бы внятных объяснений происходящему, но глаза неожиданно налились свинцовой тяжестью. Неужели травмы оказались столь крепки? Не чувствуя сопротивления, я начала заваливаться назад, на кушетку, а Балсан моментально разложил подушки, расправил сбившееся одеяло и бережно погладил по щеке, задувая светильник.

– Балсан, – окликнула я его, хотя «ватный» язык едва ворочался во рту. – А почему вы все так расстроились?

Он помолчал, сжимая рукой расшитую занавесь, словно хотел ее оборвать, а потом негромко ответил:

– Мы надеялись, что один из нас проведет эту ночь с тобой.

Буря волнения не успела подняться в моем мозгу, как я опять отключилась.

Балсан

Меня всегда привлекало оружие. Увидев красивый клинок, я замирал в благоговении и мог сидеть часами, любуясь извилинами рисунка на металлической, тускло-серой, как рыба чешуя, поверхности.

Увы, отцам требовалась помощь, они не желали терять работника. К пяти годам я помогал доить коз, давал им сено, собирал хворост, ловил рыбу, в общем, делал то же самое, что и остальные мальчишки в нашем селении.

А еще нянчился с братьями. Когда родился Гампил, я не помню, но в памяти остались яркие лоскутки, отгоняющие злых духов над его колыбелью.

После рождения Дэлэга мама долго болела. Соседки шептались, что рождение красивого ребенка отняло ее красоту и теперь наши отцы будут больше времени проводить в горах. Но этого не случилось. Напротив, старший отец стал приходить с пастбища каждую ночь.

Он приносил дрова и сладкие коренья, неловко гладил меня по голове шершавой рукой и шел к матери, проверяя, как она укутана, что-то рассказывал ей, качал новорожденного, а на рассвете уходил. До того, как встанет солнце, ему нужно было добраться до горного луга, чтобы подоить коз.

А я оставался в доме за старшего: раздувал огонь, кипятил чай, поил теплым молоком Гампила и прибирал в доме.

Это была трудная зима для нашей семьи. Было много снега, козы с трудом добирались до сухой травы и веток. Дров не хватало, а у меня не доставало сил собирать их самому – от голода я сильно исхудал, и ветер, надсадно воя, угрожал сбросить меня в ущелье при попытке выйти за пределы двора.

Вокруг, казалось, наступила беспросветная мгла. Целыми днями Гампил тихо сидел в углу, боясь пошевелиться, маленький Дэлэг качался в скрипучей люльке, а мама... мама тихо умирала, лежа под грудой пестрых одеял.

А потом все изменилось. В одну ночь ветер стих, а утром, выбегая во двор по нужде, я услышал капель – снег на крыше начал таять!

Через неделю, когда двор затянуло зеленой травой, с гор спустился старший отец. Он принес тушу дикого козла, вынес на солнце похудевшую до прозрачности маму и сказал, что все козы нашего стада окотились близнецами.

Я не знал, что думать. Любое отклонение от нормы могло оказаться гневом богов или дурным предзнаменованием, но, кажется, на сей раз все было совершенно иначе.

Погревшись на солнце, мама вдруг бледно улыбнулась и впервые за долгую зиму сама попросила поесть. Дэлэг прекратил плакать и начал хватать ручонками шаловливые солнечные зайчики, прыгающие по его колыбели. Гампил же выбрался из угла, в котором прятался, и обнял старшего отца, вызвав у него слезы.

И это весеннее волшебство не кончалось!

Через пару дней к нашему дому подошел астролог. Пощелкивая длинными, почти до земли, бирюзовыми четками, он остановился у двери и стоял там, пока старший отец не вышел с поклоном, поднося дорогому гостю чашу с водой.

– Прошу пожаловать в наш дом, знающий пути звезд. – Отец склонился в неглубоком вежливом поклоне.

– Пусть на ваш дом снизойдет процветание, – ответил астролог, омывая руки.

В это время Гампил, которому было плохо видно, сильно толкнул меня в спину, и я вылетел на освещенный солнцем двор прямо к ногам астролога.

Старик уставился на меня неожиданно яркими карими глазами, потом усмехнулся, погладил по голове и сказал старшему отцу:

– Я пришел объявить тебе волю богов, но вижу, что они сами не забывают о вас.

Отец немедленно пригласил астролога в дом, и он провел в нашем доме несколько часов, попивая чай под неспешную беседу. Нас к разговору не допускали, но когда астролог ушел, пощелкивая своими необыкновенно длинными четками, отец притиснул меня и радостным голосом сказал:

– Балсан! Радуйся! У вас с братьями есть невеста!

Вскоре мама встала. А к лету она уже совсем оправилась. Как и прежде, в нашем доме пахло пирожками с медовой начинкой, тихонько жужжала прялка, погромыхивали медные кастрюли, а отцы вновь шутливо соревновались за право поставить свои башмаки у порога ее спальни.

Осенью настала пора помолвок и свадеб. Я до сих пор не знал, что значит иметь невесту. В один из праздничных дней мама достала из сундука новые рубашки для отцов и для нас.

Она причесала мои вечно лохматые волосы и натянула на мою голову легкую шапку, украшенную бусами:

– Сегодня пойдем заключать помолвку, сынок. Присматривай за братьями, чтобы не озорничали, – попросила она.

Я немного растерялся, но был доволен и появлением новой рубашки, и ярким бусинам, и корзинке сладостей, приготовленных в дар.

Мы долго шли по широкой тропе к большому дому, стоящему почти в центре селения.

Когда подошли ближе, Гампил запрокинул голову, с восторгом разглядывая резьбу на карнизах. Дэлэг висел у меня на шее, серьезно посапывая в ухо, и разглядывал дом, засунув в рот палец. Наверно, ему большой яркий дом напомнил праздничный пряник, а может быть, его привлекли бубенцы, украшающие сбрую привязанных у поильни пары лохматых лошадок.

У ворот нас по обычаю встречали родственники невесты. Мне показалось странным, что все смотрели настороженно, но меня больше заботили братья, и я не разглядывал тех, кто ожидал нас под навесом.

Отцы усадили маму на ковер. Напротив, уже сидела мать невесты с мужем. Пожилая нянька держала на руках крохотную девочку в ярком кафтанчике. Я мельком взглянул на малышку и удивился: девочке было больше года, но она

смотрела на все безучастно. Ее большие карие глаза казались сонными, а ротик вялым.

Произнеся ритуальные слова, наши родители и родители невесты приложили пальцы, омоченные кровью, к деревянным дощечкам с подписанным договором. В тот же миг девочка, чинно сидящая на руках няньки, забилась, закатывая глаза и пуская слюни. Родственники и зеваки брызнули в стороны, а отец невесты странно усмехнулся.

Старший отец вскочил и ткнул в него пальцем:

- Твоя дочь - наказанная душа! Ты скрыл это от нас!

- Так было сказано астрологом, - ехидно заявил крепкий мужчина в богатой одежде. - Ты же хотел для своих сыновей невесту с богатым приданым? Ты ее получил! Теперь твои сыновья связаны с ней, пока смерть не разлучит их. - И он помахал дощечками с подсохшими отпечатками.

Лицо старшего отца закаменело, а по лицу матери потекли слезы. Мы быстро ушли, не прикоснувшись к приготовленному в стороне праздничному пиру.

Мама проплакала несколько дней, в большом волнении разговаривала с повивальной бабкой и соседками, а потом неожиданно успокоилась.

Однажды я нашел ее на любимом месте у ручья, она отложила прялку и смотрела в воду. Заметив меня, поманила рукой и усадила рядом на потертую козью шкуру.

- Ты видел эту девочку, Балсан?

Я утвердительно кивнул.

- Что ты о ней думаешь?

Я пожал плечами. Она походила на больного козленка - слабая, безвольная, таких козлят старший отец выхаживал только в том случае, если в стаде не хватало сильных козлят, а молока и травы было в избытке.

Мама крепко обняла меня, уткнулась в волосы и сказала:

– Иногда боги дают нам тяжелую ношу, но потом не забывают о награде. До брачного возраста еще много лет и веление звезд может измениться.

«Или она умрет», – подумал я.

– Или мы умрем, – задумчиво сказала мама.

Глава 7

«Развилка»

Утром пани Леслава подняла всю стоянку диким визгом. Прибежав на помощь, мужчины в растерянности увидели, как всегда насмешливо – азартная пани трясет за плечи свою крестницу и рыдает, не в состоянии промолвить и слова.

Оттеснив женщину в сторону, два инструктора споро забрались в палатку и осмотрели девушку, пытаясь разобраться, что стряслось.

Тем временем проснувшиеся студенты и студентки расползлись в разные стороны – утренние процедуры никто не отменял. Больше всего не повезло бойкой Женьке – желая выбрать местечко почище, она ушла довольно далеко и наткнулась на огромный, похожий на алтарь, камень.

Сделав неподалеку от него свои дела, девушка с любопытством подошла ближе к валуну – и еще один жуткий крик разогнал сонную тишину, пока еще стоящую в лесу вокруг лагеря.

Несколько парней бросились вслед ушедшим девушкам. Когда они добрались до камня, прибежавшая первой чувствительная Алинка уже обнималась с ближайшим кустиком.

– Что случилось, девчонки? – Вовка добежал первым и напряженно застыл, увидев окровавленный валун. – Кто? – спросил он глухим сдавленным голосом.

– Я нашла только это, больше тут никого не было, – растерянно отозвалась Женя.

– Ты поэтому кричала? – спросил рассерженный Владимир, уже не сомневаясь в ответе.

– Поэтому... не сразу поняла, что это кукла...

Подоспевшие парни уставились на камень с удвоенным ужасом. И было отчего испугаться!

С первого взгляда казалось, что на камне лежит человек. Мужская одежда, чем-то туго набитая, была уложена в позу эмбриона. Вместо головы валялся мешок с грубо нарисованной кровью рожицей.

Вокруг «тела» расположились цветные бусы, выписанные кровью символы, плоски с едой и оплавленные свечи.

Странная композиция одновременно отталкивала и притягивала взгляд. Вовка осмотрелся и пнул ногой комок сизых перьев, лежащий подле камня:

– Похоже, голубя кто-то убил...

Неожиданно из-за валуна раздался стон. Пискнув, Алинка оторвалась от кустика и спряталась за парней. Женя не дрогнула, но перекрестилась.

Из-за валуна показалась красная опухшая физиономия, которая, несомненно, принадлежала третьему инструктору:

– Ребята, – сипло прошептал он. – Чего кричите? – И, обведя взглядом застывших студентов, схватился за голову и уточнил: – У вас опохмелиться ничего нет?

Глава 8

Гампил

Когда Геле потеряла сознание, я вдруг вспомнил день помолвки: красивую резьбу на карнизах дома ее родителей, маленькую девочку на руках у няньки, а еще серый размытый ореол вокруг детской головы. Тогда я не знал, что это означает.

Позднее наставник объяснил мне, что сияние вокруг тела человека говорит о его здоровье – телесном и душевном. Серое облако вокруг Геле говорило о том, что ее разум спит. Ее душа наказана за прегрешения в прошлой жизни. Значит, вступив в брак, заключенный нашими родителями, мы попадали в подчинение угасшего разума.

Когда настал день свадьбы, я не ждал от него ничего хорошего. Изгнание из «Крепости Мудрецов», неподвижное лицо, израненное тело – все казалось пустяком по сравнению с сумасшедшей женой. Но долг есть долг.

Еще возле погребального челна я удивился – серое облако развеялось! Отдельные кляксы лениво плавали вокруг, не касаясь даже толстой кожи «гроба». Когда младший жрец закончил отгонять злых духов и эти кляксы развеялись, их место заняло ровное свечение, наполненное алыми всполохами беспокойства.

Во время церемонии сияние усиливалось, выравнивалось и вскоре сложилось в четкий контур здорового душевно и телесно человека.

Даже когда Геле потеряла сознание, сияние не покинуло комнату, а лишь померцало, словно подстраиваясь к новому обиталищу. И тут до меня дошло! Душа нашей невесты получила прощение! От радости у меня заколотилось сердце. И я вспомнил, что оно есть! Значит, мои братья не попадут во власть больного разума! Значит, я смогу уйти! От облегчения слова молитвы сами полились с моих губ.

В это время девушка очнулась. Она странно говорила, странно вела себя, словно не помнила или не знала обычаев. Я насторожился только тогда, когда пришло

время выбирать того, кто проведет с ней ночь. Но, к счастью, ее душа еще недостаточно приросла к нашему миру, так что выбор она не сделала. Я заметил, с каким облегчением вздохнул Ёши, а вот Балсан и Дэлэг были разочарованы: их так обрадовала весть о прощении души Геле, что они с трудом сдерживались.

Глава 9

Леся

Утро началось тяжело. Мой странный сон нарушила визжащая толпа разодетых в ярчайшие халаты девушек:

– Геле, вставай! – вопили они, стуча в маленькие бубны. – Пора собираться!

Пока я хлопала глазами, меня сдернули с кровати, впихнули за шторку и велели скорее умываться и выходить, иначе останусь без завтрака. Пришлось поворачиваться.

Быстро плеснув водой в лицо, я вышла в комнату. Девушки уже всюю стрекотали, раскладывая на столиках какие-то бусы, гребни, подвески, ленты и прочую дребедень.

Увидев меня, они, было, засмеялись, потом уставились на мою голову и замолчали.

– Что такое? – Я попыталась ощупать остатки вчерашнего сооружения, которое забыла разобрать перед сном.

Девушки продолжали молчать, потом самая молоденькая, позванивая медными бусами, робко спросила:

– Геле, ты никого непустила в свою спальню?

– Нет, – ответила я, недоумеваю.

Молчание стало тяжелым. Презрительные взгляды дам можно было охарактеризовать словами: «Совсем загордилась!»

– Ой, – в ужасе пискнула та же девчушка. – Ты хочешь, чтобы Лубсама[7 - Мудрая] пришла к тебе просить за сыновей?

– Нет, – я опять недоуменно пожала плечами. Стала невольно оправдываться: – Я вчера устала очень.

После этих слов все вздохнули с облегчением, загалдели, потянули меня к окну, затянутому чем-то вроде японской рисовой бумаги, и принялись разбирать прическу.

Пищала я сильно. Волосы сбились, перепутались, звенящие подвески в них обвились волосами и сцепились между собой. Но девушки без пощады раздирали колтуны, щедро поливая мою несчастную голову топленым маслом.

При этом они беспрерывно болтали между собой, обсуждая каких-то незнакомых мне людей. Я дергалась и шипела, но внимательно прислушивалась – вдруг узнаю, куда именно меня занесло и смогу ли я сбежать? Что-то экстремальный туризм мне совсем не нравится!

Однако мое внимание к разговорам пользы не принесло. Что мне толку в том, какого яка купил отец одной из девушек для ее приданого? Или какая корысть в знании, сколько цветной пряжи напярла местная рукодельница для продажи в базарный день?

Периодически эти речи перемежались завистливыми словами в мой адрес: вот, мол, повезло девке, а она и не радуется! Парней из дому гонит, того гляди – нос задерет! Только вот уточнений, в чем мне именно повезло, я не услышала. Потому сидела смиренно и не отвечивала.

Через час на поднос упала последняя бусинка, волосы тяжело легли на спину, а девы заспорили, какую прическу мне делать сегодня. Мое мнение никого не интересовало.

Пока они спорили, у меня было время подумать. Незнакомое тело, знакомый язык, странные обычаи и внешность окружающих меня людей. Попытки отыскать телефон или хотя бы кусок пластмассы провалились.

А ведь, судя по фотографиям бывалых путешественников, в наше время даже самые дикие племена не чужаются «даров белого человека».

Хорошо, пусть меня похитили, ввели в транс и вложили мне знание языка... Но как объяснить другое тело? Пересадка моего мозга в тело местной девушки? Но где прячется чокнутый профессор со шприцом?

Допустим, это моя фантазия и на самом деле я сплю, но почему тогда столь реальна боль? И откуда взялись в моей голове эти люди, странные обряды, здания, которых я никогда не видела?

Тяжелые мысли и постоянное расчесывание привело к тому, что я не то задремала, не то впала в транс, и перед глазами появилось удивительное зрелище.

Храм, украшенный мечами, копьями и луками. Длинные флаги трепещут на ветру. Внутри полутемно, сильно пахнет благовониями и железом. Удивительно знакомый широкоплечий воин в простой одежде стоит перед сухоньким старичком в шафранном халате:

– Отец мой, неужели этого хотят от меня боги? – В голосе мужчины слышится столько отчаяния и боли, что дымок курительных палочек разлетается в стороны, чтобы затем нехотя устремится к потолку.

– Ты должен вернуться, сын мой, – мягко говорит старик, скорее увещевая, чем требуя. – Настала пора выполнить свой долг и оставить потомство. Звезды говорят, что это вторая часть твоего пути.

– Но в доме моей матери есть другие сыновья! – Мужчина еще сопротивляется, но старичок лишь мягко похлопывает его по руке.

– Ты старший, Балсан. Ты должен передать кровь дальше и помочь братьям жить мирно. – Всмотревшись в полное отчаяния лицо собеседника, старичок начал

перебирать длинные бирюзовые четки и под конец сказал: – Я оставлю тебя, поговори с богами наедине.

Воин опустился на колени перед алтарем, оперся на специальную подставку и зажмурился, шепча молитвы. Дымок курений понемногу заволакивал его склоненную фигуру.

Глава 10

«Развилка»

Понадобилось не менее пятнадцати минут, чтобы студенты убедились, что инструктор не привидение. В свою очередь, мужчина, постоянно чертыхаясь и держась за голову, пытался вспомнить, как он оказался здесь, а не в лагере.

В том, что о жертвоприношении он ничего не знал, студентов убедил его крик, когда Вовка обвиняюще ткнул пальцем в камень. Обернувшись, инструктор подпрыгнул и заорал так, что Алинку перестало тошнить. Однако пора было возвращаться в лагерь, выяснять, что же случилось с Лесей.

Когда парни и девушки вернулись к палаткам, им стало понятно, что ничего хорошего в лагере не случилось. Леся не выскочила на встречу, щебеча, как обычно, а пани Леслава смотрела на всех мертвым потерянным взглядом.

Казалось, прежняя взбалмошная красавица выгорела за те полчаса, пока в лагере никого не было. Рядом с ней у потухшего костра сидели инструкторы. Мужчины пили крепкий чай и хмуро смотрели на вернувшихся.

– Что случилось? – спросили туристы хором.

– Непонятно, – сказал один инструктор, закуривая сигарету.

– Кома, – сказал второй, доставая свою пачку

- Опять?.. - пробормотал третий, вынимая из кармана на палатке флягу и делая большущий глоток

- Как, кома? Почему? - Теперь заговорили девушки.

- Что значит «опять»? - Вовка уставился на мужчин с вопросом.

- Никто не знает - почему, - сказал самый пожилой мужчина. Зло сплюнул: - Каждый раз одно и то же - ран нет, спальник был закрыт... Ни змей, ни укусов насекомых.

- Что можно сделать? - Второй брат Леси сурово посмотрел на инструкторов.

- А что тут сделаешь? - Мрачно переглянулись они.

- Сворачиваем лагерь, - громко скомандовал тот, кто числился куратором группы, и потушил сигарету тяжелым ботинком.

Затем мужчина обвел всех тяжелым взглядом и сказал:

- Ее нужно срочно доставить в больницу, спецов я уже вызвал, - потом добавил гораздо тише, так, что слышали только братья Леси и постаревшая пани: - Часов через семь перестанет дышать...

Все туристы испуганно забегали, собирая развешанные на ветках носки, брошенные у костра куртки и миски. А пани Леслава, утирая горючие слезы, собирала в дорогу крестницу под руководством одного из инструкторов:

- Ее зафиксировать нужно, - говорил мужчина, притаскивая к палатке пару стоек от палатки. - Болтается, как тряпичная, без фиксатора шею можем сломать или спину повредить.

Про камень и странную фигуру на нем в суете сборов вспомнила только Женька. Она не успела никому рассказать, а потом ей стало не до разговоров - полтора часа студенты и инструкторы, сменяя друг друга у носилок, двигались навстречу вызванной к ним машине МЧС.

Глава 11

Леся

Мой транс прервала самая младшая девушка (ее все называли просто «Лунь»). Сунув мне под нос блюдце с сушеными ягодами и орешками, она начала:

– Геле, ешь быстрее, пора одеваться!

Я оторвалась от тягостных мыслей и созерцания гор, простирающихся за открытым уже окном, запихнула в рот несколько ягод, и заглянула в блестящий пяточок зеркала.

– Ой! – вырвалось невольно.

– Нравится? Ты красивая! Вот повезло братьям Церин! – лопотали девушки, гордясь своей работой.

Я же не знала, смеяться мне или плакать: на моей голове красовались самые настоящие рога! Обвязанные красными нитками и бубенчиками, белоснежные полированные «украшения» выросли из сложного переплетения кос и платков.

Лицо снова превратили в маску – белая мастика на лбу и щеках, черные губы, синие пятна под глазами и алые уши! От мата я удержалась только потому, что грим намертво стянул все лицевые мышцы.

А девушки, между делом снова повторив мне, какая я писаная красавица, убежали за одеждой.

В одиночестве я пробыла недолго – скрипнула рама, показалось знакомое лицо.

– Балсан?

Подтянувшись на руках, мужчина забрался в комнату. Я невольно попятилась назад, но он не стал приближаться. Остановился на расстоянии вытянутой руки

и всмотрелся в мое лицо:

- Геле, - хрипло сказал он. - Ты понимаешь меня?

Я удивилась, но закивала:

- Понимаю.

Мужчина вцепился руками в свои волосы и сделала несколько шагов по некрашеному деревянному полу:

- Я не могу в это поверить. Твоя душа прошла наказание! Наставник был прав!

Неожиданно голубоглазик упал передо мной на колени:

- Геле! Прошу тебя, не отвергай нас! - Он сжал кулаки и низко склонил голову.

Около минуты мы молчали. Мой испуг понемногу отступил, я присела на корточки перед ним:

- Балсан, - исхитрившись не уронить тяжеленную прическу, я подняла руками его склоненную голову, отстраненно подивившись, как приятно прикоснуться к его густым вьющимся волосам. - О чем ты говоришь?

Мужчина упорно не желал поднимать голову, но вся его поза абсолютно не соответствовала той решительности, с которой он пришел сюда. Плюнув на правила, я опустилась на пол рядом с ним. Помолчала минуту, потом заговорила так же тихо и осторожно, как и он со мной недавно:

- Балсан, я здесь чужая. Ничего не знаю, ничего не помню. Я не собиралась замуж и вообще впервые вас вижу. Мне сейчас очень тяжело разобраться самой. Если я чем-то обидела тебя и братьев, простите, и дайте мне время лучше узнать вас...

Пока я говорила, в голове бились обрывки из лекции по психологии:
«...мужчинам трудно перенести прямой отказ, поэтому лучшей тактикой будет затягивание времени...»

Только вот договорить мне не удалось. Яркие голубые глаза смотрели в мои. Смотрели так, что сердце заколотилось где-то в горле. Смутившись, я принялась рассматривать лицо Балсана, стараясь не нырять в бирюзовый омут его взора. Гладкая смуглая кожа, четкий рисунок губ, морщинка на переносице, изогнутые брови, словно крылья птицы ...

Мужчина довольно долго выдерживал такое беспардонное изучение, потом, одарив меня непонятым взглядом, поймал мои руки руками:

- Спасибо тебе, Геле. Мы... постараемся дать тебе время, - проговорив это, голубоглазик вскочил, на миг подошел к столу, звякнув чем-то, и выбрался в окно, прикрывая за собой скрипучую створку.

Буквально через минуту, громко топая и напевая, девушки внесли в комнату одежду. Может, они и догадались о незваном госте, но ничего не сказали. Вместо разговоров они сразу принялись развешивать на стене принесенное, а меня погнали за ширму - менять рубашку и протирать тело губкой, пропитанной ароматическим уксусом.

Когда я вернулась, увидела, что звенело на столе - там лежали четыре нитки бус: бирюзовые, хризолитовые, коралловые и пестрые. Последние были изготовлены из двух видов камней - один камень в низке был голубым, другой цвета крепкого чая.

- Ах, как братья тебя любят! - завистливо причитала одна из девиц, разглядывая бусы.

- Откуда это? - немного откашлявшись, спросила я.

- Мужья передали, - блестя зубами, ответила Лунь.

- Мужья? - Кажется, в глазах у меня потемнело. - Все четверо?

- Конечно все! - недоуменный голос одной из девушек пробился к моему сознанию. - Ты же не собираешься выгонять их из дома?

Вот жадное любопытство оказалось оочень неприятным. Как и молчание, наступившее следом за вопросом. Я отрицательно покачала головой:

- Не собираюсь, но я думала, что они пока женихи...

Девушки облегченно рассмеялись:

- Так монахи вас уже благословили!

- И старейшина!

- И родичи!

И тут в уголке раздался робкий голосок:

- Астролог только задержался...

Вот за этот голосок я и ухватилась:

- Так если астролог не благословил, они мне еще не мужа?

Девушки пошептались и вытолкнули вперед ту, что выглядела постарше:

- Можно и так сказать, - заявила густо накрашенная красотка, со слишком черными бровями, прикладывая ко мне бусы, - но ведь астролог давно благословил вашу помолвку, так что это можно и не считать!

Вперед вырвалась мелкая остроносенькая девица в меховой жилетке с длинными «хвостиками» из алых ниток:

- И чего ты волнуешься, Геле? Не решила еще, кого старшим выбрать? Свадьбу будут праздновать еще месяц, так что сможешь всех попробовать!

Другие девушки поддержали говорившую радостными криками, а я совсем расклеилась - замужества по местным обычаям избежать не удалось.

Глава 12

Развилка

Лесю увезли на «скорой», а остальных студентов забрал пригнанный одним из родителей микроавтобус. Инструкторам предстоял путь на базу МЧС и длительное написание отчетов. Все же серьезные происшествия в походах на официальных трассах случаются не так часто.

Братья и крестная поехали в больницу вместе с девушкой. Увы, там их не обнадежили – Лесю сразу увезли в реанимацию, подключать к аппарату искусственного дыхания и прочим медицинским машинам, а родственникам посоветовали не занимать коридор – в ОРИТ никого, кроме врачей, не пускают.

Спешно вызванные родители смогли только заполнить документы под ворчание излишне полной медсестры, да заверить усталого молодого врача, что оплатят любое лечение.

Основной разговор проходил уже в квартире, на кухне.

– Леслава, что случилось с Лесей? – жестко спросил Андрей Николаевич, закуривая длинную темную сигарету трясущимися руками.

Екатерина Сергеевна даже не шевельнулась, устало и как-то безнадежно глядя на бирюзовый стеклянный «фартук», в котором все сидящие вокруг большого стола выглядели неясными тенями. Прежде мама Леси непременно гнала курящего мужа на балкон, но теперь ей было все равно. Лишь бы Леся осталась жива!

– Не знаю, – пани Леслава обреченно покачала головой, опустив ресницы. – Утром Леся не просыпалась, я решила ее разбудить, а она, она... – Полячка разрыдалась, но ее громкие рыдания оставили мужчину совершенно равнодушным.

– Тогда я спрошу по-другому, – хмуро заявил отец Леси, затушив сигарету в тяжелой хрустальной пепельнице, подsunутой сыном: – Что ты делала в этом

походе?

Заметив, как переменился тон хозяина дома, женщина довольно быстро успокоилась, утерла слезы бумажным полотенцем и легкомысленно пожала плечами:

– Как обычно, развлекалась.

– Не верю! – Андрей Николаевич ткнул в сторону собеседницы новой сигаретой: – Уже почти двадцать лет ты носишься по миру. Собираешь информацию о древних обрядах, шаманах и прочих... вуду! Содержимое твоего чемодана может поспорить с лавкой колдуна в Мексике! Поэтому я еще раз спрашиваю: что ты делала в горах?

Пани Леслава приготовилась опять зарыдать, когда голос неожиданно подал Вовка, подпирающий плечом холодильник:

– Пап, мы там камень нашли... с одеждой, испачканной кровью, со свечами и бусами... На жертвоприношение похоже.

Андрей Николаевич немедля ринулся к полячке и, схватив ее за плечи, стал яростно трясти:

– Что ты сделала с моей дочерью?!

Сыновья еле оторвали его от пани Леславы. Крестная Леси тяжело дышала и осторожно ощупывала помятую шею, словно не верила, что осталась жива.

Но передышки ей не дали – со стула поднялась Екатерина Сергеевна:

– Леслава, это правда? Ты причинила вред нашей девочке? – Ледяной голос хозяйки дома не сулил госте ничего хорошего.

– Нет-нет! – в панике воскликнула та. – Как вы могли такое подумать! Я просто хотела вернуть Тадеуша!

– Леслава, Тадеуш мертв уже больше двадцати лет! – отрезал Андрей Николаевич, выбрасывая сломанную сигарету.

– Я нашла способ вернуть его душу... – Голос пани потух. – Собрала ингредиенты, нашла симпатичного мужчину с короткой судьбой. Все-все предусмотрела! Кроме одного... Этот... – Дальше пани выразилась почище иного грузчика. – ...Напился! До зеленых чертей!

Рассказывая, пани вновь начала вести себя как избалованная девочка – жеманничать, строить глазки и складывать губки «бантиком». Одного не учла: ее внешность кардинально изменилась за истекшие сутки. Теперь эти ужимки напоминали кривляние обезьянки, съевшей кислый фрукт.

– Дальше! – Андрей Николаевич присел на табурет, подгоняя заигравшуюся пани жестким взглядом, и закурил следующую сигарету.

– Обряд провалился! – Леслава патетически воздела руки. – Этот Сер-гей уснул и свалился с камня! Я рассердилась и не стала ничего убирать, просто вернулась в палатку и уснула! А утром стала будить Лесю...

Екатерина Александровна встала, подошла к бывшей лучшей подруге и залепила ей пощечину. Несильную, но выразительную. Потом подняла на мужа заплаканные глаза:

– Андрей, выясни, что это был за обряд и где искать Лесю. Я попытаюсь узнать среди своих... знакомых.

Тот скрипнул зубами:

– Хорошо, Катя, не волнуйся, иди, отдохни. Я все узнаю.

Более чувствительный, чем старший брат, Данька повел мать в спальню, а старший решительно поставил табурет поперек двери в кухню: за сестру он был готов побороться!

Глава 13

Леся

Четыре жениха, значит? С какого это перепуга? Или... именно об этом говорил Балсан? Все четверо собираются спать со мной? Сердце громко заколотилось в горле. Я хотела громко и выразительно возмутиться, но мне не дали. Девушки навалились на меня гурьбой, облачая в свадебный наряд.

То ли они боялись, что я буду кричать, то ли опыт одевания невест большой... В общем, приставили ко мне ту самую Лунь, дабы она затыкала мне рот очередной сладостью при попытке открыть рот. К пятой липкой гадости во рту я пришла в себя и замолчала, решив даже не смотреть на то, что мне предстояло надеть.

Перед глазами вставали мама и папа, братья, крестная, друзья... Как я очутилась здесь? Что мне теперь делать? Смогу ли я выжить и вернуться?

Глаза увлажнились, и мои тюремщицы тотчас закудахтали, боясь за «боевой раскрас». После обсуждения проблемы одна из девушек сбегала вниз и вернулась с керамическим чайничком. Его содержимое залили в меня прямо через носик, и я тут же впала в блаженный ступор: все слышала, понимала, но реагировала вяло и только на прямые приказы.

– Подними руки Геле! Повернись! Девочки, держите платье!

На фоне ступора все мои наряды прошли перед глазами как манекены на витринах – не вызвав интереса или хотя бы любопытства.

Ну шелк, ну много, яркое шитье и куча завязок, витые петли и каменные пуговицы, ну и что? Зато добровольные помощницы аж пищали от восторга, натягивая на меня очередную вещичку.

Как молодой жене мне полагалось три халата. Первый, совсем простой, был сшит из ткани типа хлопка неопределенно-бежевого цвета. Свободный крой, короткие рукава, по краю подола шла вышитая алыми и зелеными нитками полоса шириной сантиметров двадцать. Это одеяние достигало пяток и подпоясывалось простым витым шнурком.

Кутали меня в него минут пятнадцать – девушкам все не нравилось, как лежат складки. В чем смысл этих манипуляций, я так и не поняла – ведь сверху надевался еще один балахон.

Второй халат был короче. Он был сшит из тонкой шерсти, выкрашенной в зеленый цвет. Рукава этой одежды были просторнее, но у запястий собирались на тесемку. Вышивка украшала рукава до локтя, плюс высокий воротник и широкий пояс, расшитый бусинами.

Тяжесть второго слоя прижала меня к земле, но жесткие от вышивки детали заставляли держаться прямо, как и тугой пояс со множеством ярких кистей. От восторженных писков уже болела голова, но искусственное спокойствие не давало вырваться из круга «помощниц».

Третьим слоем полагалась короткая одежда алого цвета, густо расшитая цветными узорами и бусинами. Широкие рукава едва достигали локтя, яркие каменные шарики служили пуговицами, а петли оказались скрученными из зеленого шелка.

Когда на меня натянули этот балахон, количество комплиментов моей красоте окончательно утопило меня в сиропе. Оставался последний пустячок – накидка с капюшоном, но мне сказали, что ее наденут внизу, перед выходом на улицу, и подтолкнули к двери.

Ступор понемногу отступал и, стоя у выхода из комнаты с плетеными стенами, я нервно переступила ногами в мягких кожаных сапогах.

Что ждет меня внизу? В голове замелькали мысли о европейских девушках, похищенных исламскими экстремистами. В статьях о них частенько писали, что мужья полностью распоряжались их жизнями. Могли выпороть, могли наградить ими соратников или вообще продать на торгу. Да и прочие традиционные сообщества не спешили предоставлять женщине привилегии.

В общем, я «зависла», боясь сделать шаг, но тут из темного угла метнуласьмышь! Из головы моментально исчезли все мысли вообще! Как же я завопила, у меня самой уши заложило! Одновременно я подпрыгнула с несомненным желанием зависнуть в воздухе, вцепилась в занавеску, оборвала ее вместе с

парой пуговиц своего наряда и ухватилась за перекладину, на которой висела штора!

Недоумевающие «помощницы» завизжали за компанию, даже не разглядев, отчего невеста впала в панику! Снизу послышался топот и крики. На помощь бежали вооруженные до зубов мужчины! Зрелище получилось впечатляющее!

Хорошо еще, что впереди бежал Балсан. Увидев меня, он покраснел, побледнел и успел тормознуть основную толпу мужчин. Сказав им несколько слов, он заставил их отвернуться, а потом подошел ко мне:

- Что случилось, Геле?

- Ммммыыышь! – пробормотала я непослушными губами.

- Мышь?

- Тут на лестнице пробежала мышь, – я почувствовала себя дурой за этот детский лепет, но мужчина только вздохнул и протянул ко мне руки:

- Позволь, я помогу тебе спуститься, – и добавил тише: – нашим гостям не стоит видеть твою красоту.

Тут я полыхнула маковым цветом: болталась я, как простыня на веревочке, смело раскачивая подолом над лестницей, а белье в этих суровых краях еще не изобрели!

От осознания этого факта руки мои вцепились в перекладину еще крепче. Местные девушки, толпящиеся за спиной с советами и смешками, тоже не поднимали настроения. Пришлось Балсану меня буквально отдирать и нести вниз на руках – ноги меня не слушались.

Я прижалась к нему, пряча лицо от всех остальных. Уткнулась в шею и вдыхала запах чистого мужского тела и, почему-то, железа. Балсан шел медленно, потряхивая меня через каждую пару ступенек. Сначала было неудобно, я даже поерзала, пытаюсь устроиться удобнее, но через минуту поняла – моя грудь прижалась к его груди, а нижние округлости ловко легли в широкие как лопаты

ладони, вызывая в мужчине беспокойство. Вот отчего его руки напряжены точно стальные тросы, а дыхание становится чаще и прерывистей. Я замерла, боясь пошевелинуться, а он затаил дыхание в ответ.

Наконец лестница закончилась. Внизу мы прошли через семь позвякивающих занавесей и очутились в просторном зале. Сегодня мой страх быть съеденной отступил, и я с любопытством рассматривала помещение поверх плеча голубоглазого носильщика.

Огромную комнату с белеными стенами украшал прихотливый цветочный орнамент, пущенный умелой рукой по верхнему краю стен. Несколько ярких занавесей скрывали проходы в другие помещения.

На возвышении, укрытом коврами-паласами, расположились большие подушки. На подушках сидели и лежали люди в пестрых одеждах. Перед каждым стоял столик с подносом. В центре возвышения пустовало два столика с большим количеством подушек вокруг.

Я зажмурила глаза от страха и смущения: так вчера это было не жертвоприношение, а свадьба? А все эти люди – гости и родственники?

Мой «носильщик», ни секунды не сомневаясь, направился к свободным местам, проходя за спинами сидящих людей.

Я и пискнуть не успела, как он опустил меня на огромную упругую подушку, успев незаметно погладить округлости, а потом уселся рядом.

Нас приветствовали легким одобрительным гулом и смешками: прибежавшие следом «помощницы» уже поделились со всей причиной шума.

– А что, Геле, – высказался крепенький мужичок в белой шапке с золотистыми висюльками, – поставишь мужей вокруг кровати мышей отгонять? Или задание дашь всех переловить?

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Местное название крестной матери. Другие варианты «божатка», «кресенька».

2

Очаровательный

3

Умножающий радость

4

Покой

5

Всеведающий

6

Счастье

7

Мудрая

Купить: https://tn.knigapoisk.com/ru/lyapina_yuliya/bashmaki-u-dveri-spal-ni

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)